

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора

А. Ф. Киселева

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации

в качестве учебника для студентов высших учебных заведений Москва

ББК 63.3(2) я 73 К89

ПРОДОЛЖЕНИЕ

§ 3. ВЛАДИМИРО СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКОГО

Поводом для противоположных оценок исторической роли Александра Невского Л.Н. Гумилевым и Дж. Фенеллом является один и тот же текст из «Истории Российской» В.Н. Татищева. Сводом и анализом сведений разных летописей «История» является лишь в пределах до 1237 г. Далее следует необработанный материал, в основном восходящий к списку Никоновской летописи и, возможно, также Ростовской. (Татищев упоминает о

подготовленном им тексте сведений, взятых из разных летописей, но названная им рукопись не сохранилась или не найдена.) В ряде летописей под 1252 г. имеется сообщение о поездке Александра Невского в Орду к Сартаку. У Татищева добавлено: «И жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Нев-рюи салтану идти на Андрея и привести его перед себя». Ни в одной известной нам летописи этого текста нет, поэтому некоторые историки (в частности, Н.М. Карамзин) предполагали здесь вымысел Татищева. Л.Н. Гумилев и Дж. Фенелл, как было отмечено, приняли цитированный текст как факт, с противоположными выводами и оценками — Александр привел на Русь татар, значит, был в союзе с Золотой Ордой. Н. Клепинин выступил в защиту Александра Невского, исходя из общего облика князя и явно более чем благожелательного к нему отношения ростовского епископа Кирилла и митрополита Кирилла.

Последний аргумент, конечно, весьма весом. Но имеются и источниковедческие аргументы. Прежде всего в тексте Татищева явно просматривается вставка, из-за которой получается, что Андрей сначала бежит «в Немецкую землю к Риге» (во всех известных летописях он бежит из Колываня (нынешнего Таллина) в «Свейскую землю»), а затем рассказывается вновь о приходе Неврюя на Андрея к Переяславлю. Не могли в 1252 г. быть и разговоры о «выходе», т. е. *дани*, так как таковая устанавливается лишь после переписи 1257 г. Переписи вообще производились по указаниям из монгольской ставки в Каракоруме и «численниками»
, присланными
оттуда. В 1252 г. таковую проводили в Китае, в середине 50-х гг. в Средней Азии. В 1257 г. монгольские «численники» приедут на Русь.

Есть и иные аргументы. Согласно Рогожскому летописцу, известному в единственном списке 40-х гг. XV в., Неврюева рать была в 1251 г., а Александр направился в Орду в следующем, 1252 г. 1251 г. датируют ордынское нашествие и софийско-новгородские летописи (Новгородская Первая и Ипатьевская летописи об этом нашествии ничего не говорят). И по логике, именно нашествие должно было явиться непосредственной реакцией на установление фактического союза князей Андрея и Даниила. По мнению Н. Клепинина, доносить в Орду на Андрея больше резона было у Святослава Всеволодовича. В том же Рогожском летописце под 1248 г. упоминается, что «прогнан бысть великий князь Святъслав Андреем Ярославичем». Под 1250 г. ряд летописей говорят о поездке в Орду (по собственной инициативе) Бориса Васильковича и Святослава Всеволодовича с сыном. В этих поездках, по всей вероятности, и скрыты причины посылки на Андрея Неврюя с ратью. Следовательно, сама Неврюева рать пришла на Русь именно в 1251 г.

Александр в 1252 г. после бегства Андрея был признан в Орде «старейшим» и торжественно встречен во Владимире митрополитом Кириллом и всем «освященным собором», а также «гра-жанами» с крестами. «И бысть радость в граде Володимери и по всей земли Суждальской», — заметит Лаврентьевская летопись. В Новгороде после своего утверждения в качестве великого князя и «старейшего» Александр оставил своего сына Василия, которому в это время было, видимо, 12 лет.

В 1255 г. скончался Батый. Сартак отправился в Каракорум, где получил богатые дары от Мункэ. Но на обратном пути он умер. В восточных источниках есть версия, что он был отравлен *Берке* (ок. 1209—1266) — младшим братом Батыя. Если Сартак «числился» христианином, то Берке был мусульманином. «Тайным мусульманином» признавался и сам Батый, но, вероятнее, как отмечено выше, в ставке Батыя было своеобразное распределение обязанностей: Сартаку поручалось вести дела с христианами, а Берке, видимо, был в числе тех, кто вел дела с мусульманами. По сообщению современника событий персидского автора Джувейни, еще отец Берке (и Батыя) Джучи решил сделать Берке мусульманином, и само рождение его было обставлено мусульманским обрядом (кормилица-мусульманка должна была выполнить все необходимые обряды и поить новорожденного мусульманским молоком). Позднее Берке изучал Коран под руководством известных в мусульманском мире авторитетов и выполнял все предписания Корана. Вполне вероятно, что Берке стал убежденным мусульманином.

Влияние

мусульман было заметным и в Каракоруме. Обычно из мусульманских купцов там подбирали откупщиков для сбора налогов с тех или иных областей.

1256 г. в ряде летописей открывается глухим известием: «По-ехаша князи на Городец, да в Новгород; князь же Борис поеха в Татары, а Олександр князь послал дары. Борис же быв у Улавчия (сына Батыя. — *А.К.*), дары дав, и приеха в свою отчину с честью». Это запись в Лаврентьевской летописи, которая после 1238 г. кратко излагает ростовский свод начала 60-х гг. Ее повторяют многие позднейшие летописи. *А собственно ростовская запись, разъясняющая происходящее, воспроизводится у Татищева:*

«Поеха князь Андрей на Городец и в Новград Нижний княжити. Князь же Борис Василькович ростовский иде в Татары со многими дары просити за Андрея. Также и князь Александр Ярославич посла послы своя в Татары со многими дары просити за Андрея. Князь Борис Василькович ростовский был у Улавчия и дары отдал, и честь многу прием, и Андрею прощение испроси, и возвратися со мною честию в свою отчину».

Как видно, вся цепь событий связана с возвращением князя *Андрея Ярославича*, и упоминаемый всеми летописями Новгород — это *Новгород Нижний*, который вместе с Городцом переходил в удел вернувшегося из Швеции князя. Достоверность татищевского текста подтверждает, как и многие другие статьи за 40—50-е гг. XIII в., Лаврентьевская летопись, в которой статья следующего года открывается свидетельством: «Поехаша князи в Татары, Александр, Андрей, Борис; чтивше Улавчя, приехаша в свою отчину». Без татищевского текста невозможно было бы понять, о каком Андрее идет речь. Более развернуто то же известие повторено в летописи и под следующим годом.

В новгородских летописях под 1256 г. основной текст посвящен нападениям на новгородские земли свеев, чуди и еми. Кратко об этом сказано и в летописях Владимиро-Суздальской Руси. Согласно новгородским летописям, свей и их союзники решили построить на реке Нарове крепость, явно вторгаясь в новгородские пределы. Как обычно, новгородцы обращаются за помощью к Александру. Князь в зиму 1256—1257 гг. в сопровождении митрополита Кирилла прибыл с полками из Суздальской земли и, присоединив новгородские полки, быстро направился к местам сосредоточения вторгшихся отрядов неприятеля. Автор Жития Александра не слишком преувеличивал в похвалах, говоря о страхе, испытываемом разноязычными недругами Руси при одном упоминании имени Александра. В летописях отмечается, что шведы сразу убрались за море, бросив своих союзников.

1257 г., имеющий значение поворотного в системе отношений Орды и Руси, в летописях отражен глухо. Можно предполагать, что в самой Орде в это время сложилось определенное двоевластие, поскольку Берке построил на противоположной стороне Волги другую столицу — *Сарай-Берке*. *В свою очередь, противостояние Берке и Мункэ подводило к фактическому отпадению Золотой Орды от Монгольской империи.*

Берке, став в 1257 г. единодержавным властителем Орды, усиливает натиск и на русские земли. На Юго-Западную Русь направляется большое войско Бурундая, окончательно подчиняющее эти земли Орде. Принципиальным событием, устанавливающим порядок эксплуатации русских земель, явилась перепись всего населения в 1257 г., проводившаяся «численниками», присланными из Монголии и фиксировавшими зависимость от Каракорума не только Руси, но и Берке. В летописях дается в целом одна информация: «Тое же зимы приехаша численици, и счето-ша всю землю Суждальску, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Орду, толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую Богородицу и на владыку» (Лаврентьевская летопись). Для контроля над исполнением нового порядка создается *баскаческая система*:

система надзора за всем происходящим отрядов монголо-татарских наместников, которые, опираясь на князей, их же в первую очередь и контролировали.

В Новгороде известия о переписи Суздальской земли вызвали волнения. «Приде вестъ из Руси зла, яко хотять Татарове там-гы и десятины на Новгороде; и смятошася люди черес все лето». Так начинается новый год Новгородская Первая летопись. Прибытие «численников» в сопровождении Александра летопись датирует «той же зимой», т. е. зимой того же года, а продолжение событий 1257 г. находится в статье 1259 г. В других летописях и у Татищева волнения в Новгороде помещены под 1258 г. 1258 г. датируют волнения в Новгороде и летописные своды Северо-Восточной Руси.

Согласно «Истории» Татищева, сначала «приехаша числен-цы ис Татар в Володимер». Затем они направились в Новгород, и Александр придал им собственных «мужей для числения».

Сын его Василий, «послушав злых советник новгородцев и без-чествоваша численики». «Численики» «з гневом великим, при-шед к великому князю Александру, скажаша и хотяху ити во Орду». Что могло последовать после этого — нетрудно представить. Александр «разуме беду тую, созва братию и едва упроси послы ханские». Теперь сам Александр, а также Андрей Ярославич и Борис Василькович сопровождают численников.

Сын Александра Василий бежал из Новгорода во Псков. Численники стали требовать дани, но новгородцы отказались выполнить их требования, хотя «даша многи дары ханови и послом его, а их отпустиша с миром». В городе в ходе распрей были убиты два посадника, а также избраны новые посадник и тысяцкий, а Александр отправил Василия в Суздальскую землю, жестоко расправившись с советниками юного княжича. В следующем году численники вернулись во Владимир и в сопровождении тех же трех князей направились в Новгород: «И изочтоша всю землю Новгородскую и Псковскую, точию не чтоша священнического причета». Александр на сей раз оставил новгородцам другого своего сына — Дмитрия и вернулся во Владимир.

Новгородская летопись, однако, дает некоторые материалы для более объемного суждения как об отношениях внутри Новгорода, где при переписи «творяху бо себе бояре легко, а мен-шим зло», так и в отношениях переписчиков с местным населением. Летописец сообщает о приезде «оканньих» (окаянных) татар «сыроядцев» Беркая и Касачика «с женами своими и инех много». «И по волости много зла учиниша, беруще

туску окань-ным Татаром». *Туска* — это провиант и подарки для переписчиков и сопровождающих их родичей и знакомых. Именно «туска» более всего возмущала новгородцев, и такого рода поборы со стороны баскаков и разного рода «посольств» будут и позднее причинами многих восстаний.

В чем выражалась монголо-татарская дань, «*ордынский выход*» или «*черный бор*», как ее стали называть на Руси? Единицей обложения на Руси издревле были «*пflug*», «*дым*», «*двор*».

Обычно монголы использовали единицы, принятые в той или иной стране. В сельских местностях на Руси монголо-татарская дань также взималась с «*сохи*»

(в ней, по данным Татищева, считалось два коня и два работника мужского пола), а также с

«*деревни*»

(примерно равнявшейся «сохе»). В городах «сохе» и «деревне» приравнивался «двор». «Вятские», т.е. богатые новгородцы, видимо, сумели свои «дворы» приравнять к «дворам» «меньших» — обычных ремесленников. И то, что было разорительно для «меньших», сравнительно мало затрагивало «вятских».

Своеобразной «сатисфакцией» непопулярной на Руси акции трех князей и одобрявшего их действия митрополита явилось учреждение в Сарае в 1261 г. *особой Сарайской епархии*

Русской

Православной Церкви. В Орде было немало христиан самого разного толка.

Достижением русской дипломатии явилось то, что епископа Митрофана на новую епархию посвящал митрополит Кирилл. Приверженец ислама Берке шел на это, видимо, чтобы ослабить влияние в самой Орде Каракорума, забиравшего значительную часть дани. Новая епархия, конечно, оставалась под надзором ханской ставки, но отныне на Русь стали поступать более свежие и достоверные сведения о положении в Орде.

В 1262 г. была достигнута важная дипломатическая победа — заключен мирный договор с Миндовгом Литовским, по которому Полоцк возвращался «под руку» Александра и появлялась возможность совместных действий против Орды. В том же году новгородцы с князем Дмитрием Александровичем и полками, пришедшими из Суздальской земли, взяли Юрьев. С Ригой, Орденom, Любеком и Ганзой был заключен договор о свободной торговле. В результате западные границы были на время прикрыты, но на востоке положение оставалось более чем напряженным.

Как и всюду, на Руси сбор дани ханами был отдан на откуп «*бесерменским*»

(мусульманским) купцам, которых сопровождали монголо-татарские отряды. В 1262 г. «от лютого томленья», «нетерпяще насилья поганых», Ростов и другие города Суздальской Руси восстали и перебили «бесермен» и их сопровождение. Это выступление было явно подготовленным и скоординированным. Избежать нового ордынского нашествия удалось потому, что сами сборщики даней были выходцами из Каракорума, с которым Берке фактически разорвал отношения. К тому же Золотая Орда вступила в борьбу с улусом Хула-гу, в частности из-за Азербайджана, на который претендовал хан Золотой Орды. Поэтому Берке рассчитывал получить из Руси воинскую помощь.

В результате Берке счел достаточным вызвать в Орду Александра. В Житии Александра Невского это событие упомянуто как бы по свежим следам: «Бе же тогда, — пишет агиограф, — нужда велика от иноплеменник, и гоняхут христиан, веляши с собою воинствовати. Князь же великий Александр поиде к ца-реви, дабы отмолити людии от беды тоя...» Похоже, что получить воинов из Руси ордынскому хану на этот раз не удалось. Но он не отпустил князя, оставив его фактически в качестве заложника. Отпущен Александр был лишь в следующем году тяжело больным — высказывалось предположение, что Александр Невский был отравлен в Орде. Не доехав до Владимира, великий князь скончался в Городце на Волге 14 ноября 1263 г., в возрасте 43 лет, приняв схиму.

Правление Александра Ярославича Невского надолго вошло в историческую память русского народа. Почти четверть века, в самый трудный для Руси период, Александр мечом и дипломатией защищал ее от смертельных угроз и с Запада, и с Востока. Он не знал поражений на поле боя, побеждая с меньшими силами. У него трудно усмотреть и дипломатические ошибки. *А судить его потомкам следует не столько по достигнутым результатам, сколько по препятствиям, которые пришлось преодолевать.*

Автор Жития был искренен в плаче: «О, горе тебе, бедный человеце! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зеници вкупе со слезами! Како не урвется сердце твое от горкыя туть! Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити». И слово митрополита Кирилла — заказчика Жития автор воспроизвел как свидетель: «Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суздальской». Александр Невский был похоронен во Владимире в монастыре Рождества Богородицы.

§4. РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

После смерти Александра Невского осталось четверо его сыновей: *Василий, Дмитрий, Андрей, Даниил*. На великое княжение стал претендовать Андрей, а оспаривал его притязания *Ярослав Ярославич Тверской* (1230—1271) — брат Александра Невского. К хану Берке были отправлены послы обеих сторон. Хан вызвал к себе Ярослава и в 1264 г. «отпустил» с ярлыком на великое княжение.

В 1266 г. Берке скончался, а на ханский трон был возведен *Менгу-Тимур* (1266—1282), сын второго сына Батыя Тукана. «И бысть ослаба на Руси от насилия татарского», — отметит Татищев. На факт этот указывают и сохранившиеся летописи: Тверской сборник, Никоновская и ряд других XV—XVI вв. Поскольку в Новгородской Первой летописи этого сюжета нет, можно предполагать, что он заимствован из несохранившегося ростовского свода. Последовала ли на самом деле «ослаба» — неясно. Возможно, что она и коснулась только Ростова.

Однако именно при *Менгу-Тимуре* наиболее активно действовала баскаческая система. Баскаки были при всех князьях, контролируя их действия и вмешиваясь в тех случаях, когда интересам Орды усматривалась какая-либо угроза. С баскаками располагались и татарские отряды, выполнявшие как бы полицейские функции за счет местного населения. Менгу-Тимур проводил довольно амбициозную внешнюю политику, не оглядываясь на великих ханов и активно используя русское войско в походах. Еще при жизни Берке среди монгольских полководцев выделялся темник *Ногай*, который при Менгу-Тимуре стал ведущим полководцем Орды, контролировал обширную территорию от Дона до Дуная и практически все Северное Причерноморье. Соседи областей, контролируемых Ногаем, стремились установить с ним непосредственные отношения. В числе их были и русские князья, искавшие помощи у татар в своих усобицах и спорах за уделы.

Л.Н. Гумилев придавал большое значение упоминанию в летописях под 1269 г. похода на немцев (в ответ на нападение их на Псков) русского войска и татарских отрядов, возглавляемых владимирским баскаком Иаргаманом и его зятем Айдаром, обращая особое внимание на фразу «зело бо бояхуся и имени татарского». Отсюда Гумилев сделал вывод, что татары защищали Русь от внешней западной угрозы. Но у татар были и свои резоны продвигаться на запад, а княжество Литовское было одним из объектов притязаний Орды, тем более что в его составе было немало русских земель, а литовские князья-христиане обычно искали помощи на Руси против сородичей-язычников.

Надо сказать, что новый великий князь Ярослав Ярославич был на редкость далеким от понимания даже текущих проблем Руси, не говоря уже о каких-то перспективах. Он сам обращался в Орду за помощью против тех же новгородцев и сам приводил татар на Русь. В 1266 г. он выступил против псковичей, которые приняли на княжение пришедшего из раздираемой усобицами Литвы князя Довмонта. Главной своей задачей *Довмонт*

(ум. 1299 г.) считал поддержку христианства в Литве, ради чего совершил с псковичами два успешных похода на Литву. Действия князя активно поддерживали и новгородцы, поскольку и те и другие постоянно страдали от набегов языческой Литвы. Ярослав же прибыл в Новгород, чтобы идти на Довмонта к Пскову. Новгородцы «возбраниша ему», приглашая идти на помощь псковичам. Но князь вернулся во Владимиро-Суздаль-скую Русь.

В 1270 г. снова возник конфликт Ярослава с новгородцами, причем на сей раз новгородцы выступали довольно дружно. Вопрос решался на вече, которое постановило изгнать князя из города, «и приятели его и советники его избиша, и дворы их и имение разграбиша». По Татищеву, к Ярославу «на Городище» «мнози побегоша», в том числе тысяцкий Ратибор с дружиной. На Городище Ярославу новгородцы направили «грамоту», в которой излагались «вины» князя. Грамота эта сама по себе любопытна как показатель «будней» в отношениях князя и города. «Неправда» князя заключалась в том, что он держал много ястребов и соколов и, таким образом, отнял у новгородцев Волхов и «иные воды», по которым и новгородцы охотились на уток. Другая вина — князь держит много псов и отнял у новгородцев заячьи ловли. Перечисляется несколько новгородцев, у которых князь отнял много серебра. Возмущало их и стремление Ярослава изгнать иноземцев, живших в городе, поскольку у них были договоры по всему Волго-Балтийскому пути и с городами Ганзы о равноправной торговле. Намекнув и на «иные вины», новгородцы заключают: «Не можем терпеть твоего насилия; поиде, княже, от нас добром, а мы себе князя добудем». Ярослав отправил к вечникам сына Святослава и тысяцкого с покаянием, соглашаясь «исправиться» «на всей воле новгородской». Но новгородцы были непреклонны: «Княже, не хотим тебя, иди от нас добром; аще ли не тако, то прогоним тебя и не хотящу ти».

Ярослав ушел из Новгорода и направил Ратибора в Орду просить татарской помощи, обвиняя новгородцев в том, что они его не слушают, не дают дани в Орду, выгнали сборщиков дани и иных «смерти предаша», самого Ярослава с бесчестием выгнали, а на хана возводят хулу. Естественно, хана эта просьба обрадовала, и он стал готовиться к походу. В этой ситуации Дмитрий Александрович отказался от очередного предложения новгородцев прийти к ним на княжение. Ситуацию разрядил княживший в Костроме Василий Ярославич. Он направил посольство в Новгород предупредить о намерении Ярослава с

Дмитрием Александровичем и смоленским князем Глебом Рос-тиславичем вместе с татарами идти на Новгород, сам же отправился в Орду отговорить хана от намерения послать свое войско. Князь убедил хана в том, что виноват во всем сам Ярослав, новгородцев же убеждал помириться с повинившимся князем.

Ярослав с сыновьями и названными князьями все-таки направились к Новгороду, но новгородцы огородились острогом, образовали внушительный оборонительный заслон, который Ярослав не решился штурмовать. Он обратился за помощью к митрополиту Кириллу, покался в своих винах перед ним и обещал вновь покаяться перед новгородцами, и тот сумел помирить князя и новгородцев.

В том же году проявил себя рязанский баскак. Он донес Мен-гу-Тимуру о том, что Роман Ольгович Рязанский хулит хана и ругает его веру. Роман Ольгович был вызван в Орду и подвергнут мучительной казни. Впоследствии Роман будет как мученик за веру причислен к лику святых.

В 1271 г. скончался Ярослав Ярославич, по одним летописям «в Татарех», по другим — «идя из Орды». В 60 — 70-е гг. XIII в. русские князья постоянно навещали Орду, и неизвестно, умирали ли они там от естественной болезни, или им в этом «помогали». После кончины князя родился его сын, нареченный Михаилом. Это — будущий великий князь Тверской Михаил Ярославич.

Великим князем после Ярослава стал младший Ярославич — *Василий*, упомянутый выше костромской князь. И сразу возникают разногласия, выливающиеся в усобицу Василия Ярославича с племянником Дмитрием Александровичем из-за Новгорода. В итоге в 1272 г. Василий направляет воеводу Семена на новгородские волости, а сам идет к Переяславлю и Торжку, который сжег и посадил там наместников. Семен же вернулся «со многим полоном» из новгородских волостей.

В 1273 г. на новгородские земли обрушился еще более массивный набег, в котором помимо «низовских» полков Василия Ярославича участвовали татарские отряды тех же Иагармана и Айдара и «татары ханские», а также приглашенные тверским князем Святославом Ярославичем (сыном Ярослава Ярославича) татарские отряды из Орды. Были разграблены новгородские волости, города Волок, Бежицк, Вологда. Отовсюду во

Владимир и в Тверь тянулся «полон», а новгородских купцов повсюду захватывали и грабили. В этих условиях новгородцы не решились отстаивать свои владения и склонили голову перед Василием Ярославичем и, соответственно, перед грабившими их татарами.

Как видно, *русские князья сами отдавали свои земли на татарское разорение.* Возможно, именно эта ситуация могла стать главной причиной возвращения митрополита Кирилла в Киев. В следующем 1274 г. он привезет во Владимир нового епископа, киево-печерского архимандрита Серапиона.

Серапион Владимирский

(ум. 1275 г.) станет известен как автор «Слов» и «Поучений», проникнутых болью за пороки современников: междоусобия князей, «несытость имения», «резо-имство» — ростовщичество и вообще «всякое грабление». И все это творилось на фоне очевидной для всех картины монголо-татарского произвола и насилия, разграбления русских земель, буквального порабощения, т. е. обращения в рабство и продажу на невольничьих рынках многочисленного «полон». К сожалению, в следующем году Серапион скончался. Но его позиция, позиция митрополита Кирилла и в целом Русской Церкви, несмотря на привилегии, полученные от ордынских ханов в виде освобождения от даней и постоев, показывает, что

церковь,

по крайней мере на высшем уровне,

стремилась мобилизовать население на борьбу с ордынским игом.

И именно этой цели служили

канонизации

князей

Михаила Черниговского

и

Романа Олеговича Рязанского,

погибших в Орде в муках, но не потерявших человеческого и христианского достоинства.

Под 1275 г. летописи сообщают о большом походе монголо-татар и русских князей на Литву. Одни из них говорят о возвращении «с большим полоном», а другие, напротив, отмечают, что участники похода «не успевше ничто же, възвратишася назад» (Симеоновская и Троицкая летописи). Но именно в этом сообщении мы находим изображение реальной картины ордынской «помощи»: «Татарове же велико зло и многу пакость и досаду сътвориша христианом, идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы того злее створиша, по волостем. По селом дворы гра-бяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, облупивше нагого пустячь; ...и всюды, и вся дворы, кто чего отбежал, то все пограбиша погании, творящесе на помощь при-шедше, обретошася на пакость. Се же написах памяти дея и пользы ради». Как видно, «*помощь*» обернулась очередным разорением русских земель.

В 1275 г., по сообщению Никоновской летописи и Татищева, произошла *вторая перепись* потенциальных плательщиков дани на Руси. Текст Татищева оказывается наиболее информативным, поскольку только в нем указаны размеры дани: «Князь великий Василей поиде во Орду к хану. Егда прииде князь великий во Орду и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работнии, и дары многи, и выход особ, и хан прият его с честью, но рече: «Ясак мал есть, а люди многи в земли твоей. Почто не от всех даеши?» Князь же великий отымаяся числом баскаков прежних (т. е. отговаривался данными первой переписи. — А.К.).

И хан повеле послати новые численники во всю землю Русскую с великими грады, да не утаят люди». В более кратком изложении Никоновской летописи отмечено, что иноки и церковный притч от даней освобождались.

В зиму 1276—1277 гг. скончался князь Василий Ярославич. Преемником Василия Ярославича на великокняжеском столе стал его племянник и недавний противник *Дмитрий Александрович* (ум. 1294 г.). Новгородцы сразу же пригласили Дмитрия Александровича к себе.

Другие русские князья потянулись в Орду за новыми и подтверждением старых ярлыков и оказались мобилизованными Менгу-Тимуром для похода на Северный Кавказ, где 8 февраля (уже 1278 г.) был взят «ясский» (аланский) город Дедяков. Мен-гу-Темир князей русских «похвалив велми и одарив всех, и отпусти их на Русь, в свои их отчины с мною честью и с дары».

А великий князь Дмитрий Александрович тем временем занимался только новгородскими делами. Вскоре после появления в Новгороде он организовал поход на Карелу «и взя землю их на щит». В следующем году он срубил город, а затем в 1279 г., вместе с посадником и «с болшими мужи» обложили город камнем. И, как обычно, после этих успехов князь и новгородцы перессорились, и Дмитрий Александрович ушел в Переяславль, где в это время находился митрополит Кирилл и где он скончается 7 декабря. Сюда из Новгорода прибыл епископ Климент ради благословения у митрополита и с предложением мира и любви от новгородцев ко князю. Князь, однако, не примирился и пошел на Новгород с «низовской» ратью. Снова «с челобитьем, и с молением, и с дары» новгородцы высылают навстречу князю Клименту. Взяв дары, Дмитрий вернулся с братьями во Владимир.

1281 г. заполнен в летописях сообщениями об усобицах. Одна развернулась в Ростове, где правил дуумвират братьев Дмитрия и Константина. Между ними и возникла вражда,

и Константин отъехал к великому князю Дмитрию Александровичу во Владимир, но великий князь примирил братьев.

Другая усобица оказалась серьезней и тяжелей по последствиям. *Андрей Александрович* (ум. 1304 г.), младший брат Дмитрия Александровича, отправился в Орду к хану, «ища себе княжения великого под братом своим старейшим». И «многими дарами» добился желаемого ярлыка на великое княжение. Получив известие о намерении Дмитрия защищаться, Андрей вновь обратился к хану, акцентируя внимание на непослушании Дмитрия распоряжениям самого хана. Хан направил на Русь вместе с Андреем двух своих воевод с татарской ратью. Придя к Мурому, Андрей попытался объединить вокруг себя других русских князей, чтобы совместно идти к Переяславлю на старшего брата. Татары же разорили и Муром, и все предместья Владимира, Юрьева, Суздаля и Переяславля: «Все пусто сътвориша и пограбиша люди, мужи и жены, и дети, и младенцы, имение все то пограбиша и поведоша в полон». Князь Дмитрий с малой дружиной, женой, детьми, боярами и двором бежал к Новгороду и остановился в Копорье, готовясь при случае бежать «за море». Новгородцы не только отказались помогать князю, но взяли в заложники двух его дочерей и бояр. Татары же продолжили грабежи под Ростовом, Тверью и Торжком: «Испустошиша и города, и волости, и села, и погосты, и монастыри, и церкви пограбиша, иконы и кресты честныя, и сосуды священныя служебныя, и пелены, и книги, и всякое узорочие пограбиша, и у всех церквей двери вы-секоша, и мнишьскому чину поругашася погании...»

Князь Андрей Александрович утвердился на великокняжеском столе и отпустил татар в Орду. Но результатом монголо-татарской «помощи», к которой прибегали, к сожалению, многие князья, стало очередное разорение русских земель.

Дмитрий Александрович с помощью псковского князя Дов-монта сумел сохранить свою дружину и казну в Копорье и вернулся в Переяславль, куда стали собираться и многие пострадавшие от татарского разорения. Получив известие об этом, Андрей Александрович снова отправился в Орду и привел новую ордынскую рать. Дмитрию с семьей, дружиной и со всем двором пришлось бежать к Ногаю, который держался независимо от Сарая и принял беглецов «с честью», но реальной помощи не оказал.

В русских летописях нет сведений о кончине Менгу-Тимура в 1282 г. Между тем это событие существенно меняло расклад политических сил и в Орде, и на Руси. В Орде начинается «*замятия*» — борьба за стол великого хана, которая велась до тех пор, пока в 1290 г. не утвердился сын Менгу-Темира *хан Тохта* (правил в

1290—1312 гг.). Тохта пришел к власти с помощью Ногая, а в 1300 г. именно им Ногай будет убит. В русских источниках он упомянут уже под 1291 г., в то время как правившие 8 лет его предшественники по именам ни разу не названы.

В условиях внутривосточной борьбы в Орде соискатели великокняжеского стола на Руси на столь массивную «помощь», какую получил Андрей Александрович в 1281 г., рассчитывать не могли. Может быть, это обстоятельство и примирило соперников, причем Дмитрий снова вернулся во Владимир, а Андрей пошел в Нижний Новгород. Борьба между братьями, однако, будет продолжаться, хотя Дмитрий сохранит титул «великого князя» до своей кончины в 1294 г.

В 80-е гг. XIII в. произошли некоторые события, отмеченные большинством летописей. Прежде всего это связано с появлением в 1283 г., после трехлетнего перерыва, на митрополичьем столе в Киеве митрополита — «гречина» *Максима* (ум. 1305 г.). В следующем году в Киев были созваны все епископы, где митрополит знакомился с владыками, занимавшими русские епархии. В 1288 г. Максим поставил епископам во Владимир, Суздаль и Нижний Новгород Иакова, а в 1289 г. в Ростов игумена монастыря Иоанна Богослова Тарасия. По просьбе Михаила Ярославича Тверского, его матери и бояр в Тверь был утвержден епископом игумен общежительского монастыря Богородицы литвин Андрей.

Многие летописи отметили также «зло», происшедшее в Курском княжении в 1284—1285 гг., т. е. во время смуты в Орде. Событиям этим посвящалась специальная повесть, в которой ставилась принципиальная проблема: *бороться с татарами или приспособливаться к их власти?* Вопрос этот вставал в условиях жесточайших репрессий в основном перед отдельными личностями, сознательно шедшими на мученическую смерть (Михаил Черниговский, Роман Олегович Рязанский и некоторые другие).

Летописная «Повесть» ставила главный вопрос времени: как жить дальше? В Никоновской летописи и у Татищева дается вводное пояснение: дань ордынские ханы и их князья собирали разными путями — либо

отдавали ее на откуп тем же баскакам, либо ее привозили в Орду сами русские князья, либо продавали право на ее сбор «гостям», т. е. приезжавшим в Орду купцам, которые «таким образом себе приобретаху».

События разворачиваются вокруг курского баскака Ахмата. По Симеоновской летописи это был «бесерменин злохитр и велми зол», а по Никоновской и «Истории» Татищева — «князь татарский», «Темиров сын». Баскак «откупаша у Татар дани всякия и теми даньми велику досаду творяше князем и черным людем в Курском княжении». Помимо этого, баскак в вотчине князя Рыльского и Воргольского Олега создал две слободы, куда стекались люди из разных мест, и «насилие творяху христианам», окрестные волости «пусто сътвориша». Олег, договорившись со своим родичем Святославом Липецким, отправился с жалобой в Орду, учитывая, что Ахмат ориентировался на Ногаю. Из Орды дали князю «приставы» и разрешение разорить слободы, а их со Святославом людей вывести в свои волости, что и было совершено.

Ахмат находился в это время у Ногаю, и, услышав о случившемся, «замысли сдумати клевету на Олега к царю Ногаю». В результате Ногай дал Ахмату рать, с которой тот разорил земли князей, а захваченных в плен бояр изощренно казнил. «А трупья бояр тех, сообщают летописи, — повеле по деревьям развешати, отъимая у всякого голову да правую руку; и начаша бесермена вязати головы те кътором боярския, а руки выкладоша в судно и въставиша на сани и поидоша от Воргола, и при-шедше в села и потом в Туров. Хотеша же послати по землям головы и пукы боярския, ино некуда послати, все княжение изымано, и тако пометаша головы и руки боярския псом на снеть... Мнози человеци от мраза изомроша, людие облуплени суще (т. е. раздеты), мужие и жены и младенци». Завершая рассказ обычным рефреном о наказании за грехи, автор особо подчеркивает: «Мню же и князей ради, понеже жи-ваху в которе». Князья, действительно, жили «в которе», т. е. в распрях. Это относилось и к двум названным князьям, и последующие события проявили это в полной мере.

Ахмат оставил двух своих братьев сторожить слободы, а сам отправился в Орду, «держася рати Татарския», поскольку «не сме жити в Руси», пока князья оставались на свободе. И уже в следующем году Святослав Липецкий, не посоветовавшись с Олегом, решил провести акцию мести. «Два бесермена» с тридцатью русскими переходили из одной слободы в другую, когда были перехвачены дружиной Святослава. Были убиты эти «бесермены» и 25 человек русских. Братья Ахмата бежали в Курск, а слободы разошлись кто куда. Олег, вернувшийся из Орды, осудил акцию Святослава. И у татар, и на Руси такие нападения квалифицировались как «разбойные». Олег настаивал на том, чтобы Святослав шел оправдываться в Орду, но Святослав отреагировал жестко: «Аз сам ведаюся в своем деле, прав аз, аже есмь тако учинили, то суть мои ворози».

Олег упрекал Святослава в нарушении договоренностей и в нежелании искать справедливости в Орде. Сам он снова отправился в Орду и, вернувшись с татарским

войском, «уби князя Святослава по цареву слову». А вслед за тем брат Святослава Александр убил Олега и его сына Давыда. «И сътворися радость диаволу и его поспешнику бесерменину Ахмату», — заключается рассказ в Симеоновской летописи. Никоновская летопись и «История» Татищева содержат указание на то, что Александр тоже ходил в Орду с дарами и получил от хана рать, с которой и расправился с Олегом и (в этом варианте) с двумя его сыновьями. И завершается повесть в этих источниках философски: «Многа убо и велика сия повесть, но множества ради оставлена бысть; может бо и малая сия повесть человеку ум имущему плач и слезы сътворити».

Поводом для «плача и слез» могло послужить и еще одно деяние русских князей. Вскоре после занятия Тохтой великохан-ского стола в Орде Андрей Александрович и князя ростовские, а также епископ ростовский Тарасий отправились в Орду с жалобой на Дмитрия Александровича. Хан сначала думал вызвать в Орду Дмитрия, но затем решил отправить с просителями своего брата Дюдены с большой татарской ратью.

Переяславцы разбежались, а Дмитрий бежал в Псков. Печально знаменитая *«Дюдены в а рать»*

В

1293 г. рассыпалась по Суздальской земле, взяла и разорила 14 городов, включая Владимир, Суздаль, Переяславль, Москву. В стороне от разорения осталась только Тверь (но и она была разорена в следующем году другой ордынской ратью). Дюдень собирался идти и на Новгород, но новгородцы откупились богатыми дарами. Ордынская рать повернула назад в степь, перегруженная, как обычно, награбленным имуществом и «полоном», а Андрей Александрович продолжал добиваться великокняжеского стола основательно разоренного Владимира, который и получил после смерти Дмитрия в 1294 г.

Новый цикл межкняжеских противоречий начался в 1296 г., чем снова воспользовались татары: на Русь прибыл Олекса Нев-рюй с татарской ратью, выполняя и функции посла. Князья собрались на съезд, где против Андрея Александровича встали Михаил Тверской, младший брат Даниил Александрович и представители переяславцев. На сей раз разошлись мирно, но противостояние сохранилось.

В **1299** г. Киев покинул митрополит Максим, «не терпя насилья от татар... и весь Киев разыдесь». Максим поначалу направился в Брянск, но в конечном счете оказался во *Влади-миро-Суздальской земле* и занял

владимирскую кафедру.

Этот факт показывает, что даже при всех многократных разорениях

со стороны Орды и внутренних усобицах, именно *Северо-Восточная Русь оставалась в перспективе единственной землей Руси, где могло начаться возрождение.* Следующий XIV в., который тоже будет нелегким для Руси, подтвердит это положение, и именно здесь в конечном счете начнется преодоление страха, растерянности, мелочных конфликтов князей и неорганизованности.

§5. ПРОБЛЕМА «ОРДЫНСКОЙ ДАНИ»

Вопрос о размерах «ордынской дани» — главный в оценке последствий монголо-татарского ига, в исторической литературе в полной мере не разработан. Причина этого — недоверие к уникальным данным «Истории Российской» В.Н. Татищева. В результате же в «трудах» евразийцев появляются утверждения о том, что дань, наложенная Золотой Ордой на Русь, была совсем невелика. Так, постоянный мотив публикаций Л.Н. Гумилева — русские жили при татарах столь же привольно, как и ранее. Другой евразиец *В.В. Кожин*ов, поддерживая эту концепцию, утверждал, что «в среднем на душу населения годовая дань составляла всего лишь один-два рубля в современном исчислении! Такая дань не могла быть обременительной для народа, хотя она сильно била по казне собиравших ее русских князей (в чем логика? — *А.К.*).

Но даже и при этом, например, князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, добровольно жертвовал равную дани сумму денег для поддержания существования Константинопольской патриархии».

Подобное ответственное утверждение дается со ссылкой на статью *П.Н. Павлова*, опубликованную в 1958 г. в «Ученых записках» Красноярского пединститута. В статье такого заключения нет и быть не могло: мы не знаем ни общей суммы дани, ни численности населения, обложенного данью. Едва ли не лучший знаток татарской политики на Руси

А.Н. Насонов

остановился в недоумении, встретив указание на то, что татары выделили на территории Великого княжества Владимирского 15 тем, т.е. 15 «округов» с населением по 10 000 человек в каждом («тьма» — 10 000). Ведь это означало по меньшей мере десятикратное сокращение населения в результате нашествия! В конечном счете видимо, так оно и было. Но решение данного вопроса должно осуществляться не путем деления одного неизвестного на другое неизвестное, а выяснением норм обложения.

Как было отмечено, в нашей литературе указание *В.Н. Татищева* на размеры дани не привлекло должного внимания. Один из крупнейших и авторитетных историков первой половины XX в. *Б.Д.*

Греков

заметил, что «конечно, Татищев не выдумал здесь «сохи», а взял ее из летописи, до нас недошедшей». Но он усомнился в том, что «соха» могла быть представлена двумя работниками.

«Соха», очевидно, значит то же, что и «плуг» в «Повести временных лет», с которого платили дань вятичи и радимичи, а также многие западнославянские племена. «Плуг», как и «соха», предполагали размеры поля, которое может быть обработано за сезон. Представление о «плуге» как единице обложения дает автор

XII в. Гельмольд, говоря о балтийских славянах: это пара лошадей или волов, впрягаемых в орудие пахоты, и, соответственно, размер обрабатываемого ими участка земли.

В конце XIX в. на пару лошадей в среднем приходилось 7,2 десятины пашни. За семь столетий технология сельскохозяйственного производства изменилась мало. Но все-таки 7 десятин, видимо, максимальный размер древней «сохи».

Б.Д. Греков усомнился в том, что «соха» может определяться количеством работников. Но взаимосвязь между обрабатываемой площадью, численностью рабочего скота и количеством рабочих рук предполагалась всегда. Возможны были и другие варианты в зависимости от местных условий. В новгородской грамоте середины XV в. о предоставлении князю Василию Васильевичу «черного бора» (татарской дани) с Новоторжских волостей поясняется: «А в соху два коня, а третье припряжь (т. е. пристяжной. — *А.К.*)». Поскольку «сохи» по местностям различались, Иван III в 1478 г. с присоединением Новгорода «велел въспросити, что их соха; и они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет (т. е. пашет. — *А.К.*), а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха».

В новгородской грамоте имеется и перечень равноценных замен «сохи» для промыслового населения: *чан кожевничий, невод, «четыре пешци»* (т. е., безлошадные), *кузнец, лавка. За ладью* и

Автор: pavel
17.02.2020 22:04 -

чан для выварки соли

числили две «сохи». Исполщики (работавшие исполу, из половины урожая) вносили по «полсохи».

В городе окладной единицей служил

«двор»

или

«дом».

Но предполагалась и дифференциация по роду занятий. Как отмечалось выше, «соху» могла заменять

«деревня».

При этом «деревня» часто была меньше «сохи». Так, в новгородских писцовых книгах 1500 г. упоминается шесть владычных деревень, насчитывавших вместе с погостом лишь 11 дворов с 14 жителями, что составляло 13 обж, или 4 с третью сохи.

Когда-то «двор» и «соха» в основном совпадали. Но в монгольский период семьи были и малочисленны, и маломощны, что было естественно и связано с тяготами жизни.

Поэтому редкий двор мог вести хозяйство на уровне «трудовой нормы» начала XX в., примерно совпадающей со старой «сохой». В упомянутом погосте высевалось 52 коросья хлеба (примерно 350 пудов), или 80—90 пудов на «соху», как и в начале XX столетия.

Урожай исчислялся соотношением посеянного и полученного. Различаясь в разных местах и в разное время, в северной половине Руси он обычно составлял от сам-два до сам-четыре. В голодные годы часто не собирали и семена. Урожай сам-два оставлял на потребление те же 80—90 пудов, сам-четыре, соответственно, 240—270 пудов. *Это и есть основной доход крестьян, включенных в «соху».*

Важно определить, что стоила в названном татищевском тексте «полугривна».

Новгородская гривна содержала 204 грамма серебра, полугривна — 102 грамма. Скорее всего,

«рубль»

равнялся «полугривне» (рубль — это отрубленная часть). Что можно было купить на эту сумму в XIII—XV вв. и где мог добыть серебро крестьянин? В.О. Ключевский подсчитал, что рубль конца XV в. стоил в 130 раз больше рубля конца XIX в. Это связано и с уменьшением содержания серебра в рубле, и с неуклонным отставанием производства от роста находящегося в обращении металла.

В конце XIX в. батрак и однолошадный крестьянин зарабатывал и потреблял с семьей за год

продуктов на сумму

менее ста рублей.

Это много меньше, чем рубль XV в. Упомянутый П.Н. Павлов сделал выписку из

Автор: pavel
17.02.2020 22:04 -

Псковских летописей о ценах на хлеб в XV в.: они колебались от 87 до 250 пудов за рубль. Псковские летописцы вообще внимательно следили за ценами и выплатами. Так, под 1424 г. сообщается о сооружении каменной стены у псковского кремля: 200 мужей три с половиной года строили стену и получили за это по 6 рублей каждый (1200 рублей на всех). Под 1465 г. летопись говорит о новом строительстве стены. На сей раз трудились 80 «наймитов». За три года они получили 175 рублей, т. е. немногим более двух рублей на каждого.

Такова была плата за труд в XV в. В XIII—XV вв. она не могла быть большей, поскольку и серебра было много меньше, и производительность труда, в частности ремесленного, упала в связи с разрушением многих городов и угоном ремесленников в рабство. *1 рубль — это почти предел платы, которую мог получить работник за год.*

А добыть «серебро» в деревне всегда было во много раз сложнее. Приходилось ждать купцов и, предлагая свою продукцию, мириться с их неизбежно заниженными ценами. Таким образом,

«ордынская дань» в размере одного или двух рублей в год — это был настоящий грабёж, практически не оставлявший населению деревень и городов возможностей не только для расширения производства, но и для обычной жизни.

«Ордынская дань» не была постоянной. Обычно князья пытались добиться ее уменьшения, а Орда — увеличения. Уменьшить дань можно было, очевидно, заменой какими-то иными услугами, вроде поставки вспомогательных ратей в татарское войско. Но до середины XIV в. действовали нормы, установленные еще первыми переписями, проведенными в XIII в. Об этом говорят косвенные данные. Так, сразу после смерти Ивана Калиты жители Торжка, опираясь на помощь Новгорода, отказались вносить дань. Симеон Гордый направил к Торжку большое войско, и новгородцы согласились отдать «бор по волости», а новоторжцев обязали внести *1000 рублей*. Мир восстанавливался «по старым грамотам». Видимо, *это та сумма, которую обычно вносил Торжок.*

Вряд ли город имел в это время более тысячи облагаемых дворов (после монгольского разорения таких городов были единицы). А это совпадает с уровнем, утвержденным в XIII в. Другие косвенные данные — воспоминания о тяжести дани при хане Узбеке. В летописях есть указания на то, что были попытки распространить дань и на духовенство. Так, в 1342 г. в Орду был вызван митрополит Феогност, от которого требовали «полетной» дани, так как он имел большие доходы, обирая низшее духовенство и мирян. От претензий митрополиту пришлось отбиваться взятками: он оставил в Орде 600 рублей.

Ослаблением Орды русские князья будут пользоваться, а *освобождение от дани было важнейшей задачей в рамках свержения ига вообще.*

Но после нашествия Тохтамыша под 1384 г. летописи сообщают о «дани тяжелой» «по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом даваша в Орду, а Новгород Великий дал черный бор». О дани «по рублю с двух сох» говорится и в письме Едигея Василию Дмитриевичу несколько позднее, в начале XV в. Этимологически «рубль» — это отрубленная часть. А потому «рубль» должен соответствовать половине гривны. Но Дмитрий Донской, начав собственную чеканку монеты, установил величину рубля равной новгородской гривне.

Следовательно,

после нашествия Тохтамыша была восстановлена изначальная грабительская дань.

«Соха» вовсе не была единственной мерой обложения. *В. В. Каргалов* насчитывает *14 видов даней*.

Содержание татарских посольств, насчитывавших по тысяче и более человек и живших месяцами на Руси, обходилось нередко дороже и самого «черного бора». Поэтому восстания в большинстве случаев являлись ответами на насилия, чинимые «послами».

Переводить рубли эпохи монгольского владычества в рубли современные — дело бессмысленное. Ведь рубль того времени — это больше годового потребления половины крестьянских дворов рубежа нашего века. *По сравнению с варягами и хазарами монголо-татары забирали в десятки раз больше.*

Напомним, что в соответствии с «Повестью временных лет» вятичи и радимичи платили хазарам, а затем русским князьям по «щелягу» с плуга, где «щеляг» — это западный шиллинг, название самой мелкой монеты в Польше. Поэтому можно удивляться, как люди выживали в условиях монголо-татарского ига. В то же время неудивительно, что выживали немногие. И такое положение сохранялось более двух столетий.

Нельзя сравнивать и два разнопорядковых явления — «ордынскую дань» и «подарки» константинопольским патриархам. Собственно «подарки» не были столь обязательными и столь накладными, хотя они не были и вполне добровольными. Вымогание взяток с кандидатов на митрополичьи столы — повседневная практика константинопольских патриархов, о чем прямо говорят летописи в записях XIV в. А Симеону Гордому пришлось раскошелиться по вполне житейскому поводу. В 1346 г. он «отослал» от себя вторую жену и посватался к дочери Александра Михайловича Тверского. Но митрополит-грек Феогност «не благословил его и церкви затвори». Пришлось направить посольство в Константинополь за «благословением». А подобные расходы, действительно, сопоставимы с «ордынской данью». И собиралась княжеская казна все с тех же крестьян.

Так на самом деле выглядело монголо-татарское господство на Руси в течение почти двух с половиной столетий. И факты не так далеко запрятаны, чтобы отказываться от их выявления. А факты в данном случае — «упрямая вещь»: они лишний раз вскрывают умозрительность и спекулятивность евразийства, и заодно, по сути, демонстрируют неуважение прошлых и нынешних евразийцев к предкам, если и не к своим, то той страны, о которой идет речь.

Литература

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940.

Базилевич К. В. Восточная Европа под властью монгольских завоевателей. М., 1940.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1—2. М., 1963.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.

Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М.; Л., 1950; Т. 3, 1953.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997 (перевод с англоязычного издания 1953 года).

Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле Залесском. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11. М., 1949.

Греков Б. Д. Татарское нашествие (XIII—XV вв.) // Исторический журнал. 1937. № 6.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и урянхайский край. Ч. 1,2. СПб. - Л., 1914-1930.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. (Книга переиздана репринтом в Киеве в 1991 г. с переводом заглавия на украинский язык.)

Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. СПб., 1906.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Пред. СБ. Лаврова. М., 1993.

Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание? // Мир России — Евразия. М., 1995.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

Карпини Плано. История монголов / Пер. Малеина. СПб., 1911.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.

Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1890.

Куник А. Древние сказания о нашествии Батыя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. 1844. № 11—14. *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965.

Кузьмин А. Г. Пропеллер пассионарности или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9.

Кузьмин А. Г. Россия в оккультной мгле, или зачем «евразийцы» маскируются под русских патриотов // Молодая гвардия. 1993. №2.

Кузьмин А. Г. Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993. № 5—6.

Кузьмин А. Г. Евразийский капкан // Молодая гвардия. 1994. № 12.

Леонтович В. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса, 1879.

Максимович М. А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батые-во и населении новопришлым народом // Собр. соч. Киев, 1876.

Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

Д'Оссон. История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Т. 1. М., 1937.

Патканов К. История монголов по армянским источникам. Вып. 1—2. СПб., 1873-1874.

Попов П. С. Яса Чингисхана и уложение Монгольской династии // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. XVII. СПб., 1940.

Рубрук Вильгельм. Путешествие в Восточные страны / Пер. Малеина. СПб., 1911.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1960; Т. 3. М.; Л., 1946.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. Древнерусский город по археологическим данным // Известия АН СССР. Серия история. Т. 7. № 3. 1950.

Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1970. № 3. *Смирнов А. П.* Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.; Л., 1941. *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1976.

Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Трофимова Г. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М., 1949.

Трубецкой Н. С. О туранском элементе и русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник, XXIV. Л., 1926.

Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.

Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XII— XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Мнения и аргументы

В настоящем приложении публикуются фрагменты из работ отечественных ученых, которые выражают различные точки зрения по наиболее важным темам, затрагиваемым в данном учебном пособии.

К ВВЕДЕНИЮ: ЧТО И КАК ИЗУЧАЕТ ИСТОРИЯ?

Из статьи А.В. Гулыги «История как наука». «Философские проблемы исторической науки» (М.: «Наука», 1969)

Термин «история» многозначен. В русском языке можно насчитать по крайней мере шесть значений этого слова. Два из них имеют чисто бытовой характер. Это история как повествование и история как происшествие...

Остальные четыре значения этого слова представляют собой научные термины. Это прежде всего история как процесс развития. Мы говорим об истории мироздания, истории Земли, ее флоры и фауны. Именно в этом смысле следует понимать слова Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии»...

Таким образом, провозглашение истории единственной наукой не дает историкам повода для кичливости; это всего лишь требование рассматривать любое явление исторически, т.е. в развитии, в движении от низшего к высшему. Общей теорией развития, в какой бы сфере действительности оно не происходило — в природе,

обществе, мышлении, — является диалектический материализм. Поскольку история общества рассматривает свой объект в качестве развивающегося целого, она также опирается на законы диалектики.

Другое значение истории состоит в обозначении им жизни общества... В этом смысле мы говорим о законах истории, противопоставляя их законам природы. Законы истории, т.е. законы общественного развития, изучают не только историки, но и социологи, экономисты, юристы, искусствоведы. В наиболее обобщенном виде эти законы составляют содержание исторического материализма — философской науки, являющейся методологической основой не только для историка, но в равной мере и для представителей других наук. Любая общественная дисциплина строит свою методологию на основе как исторического материализма, так и диалектического материализма с учетом тех специфических особенностей, которые характерны для данной науки.

Специфика той науки, которой занимается историк, состоит в том, что она обращена к прошлому. История — это прошлое. Таково третье значение рассматриваемого нами термина. Принадлежать истории — значит относиться к прошлому.

Наконец историей мы называем науку, изучающую прошлое человеческого общества. Это и есть собственно история, гражданская история, или историческая наука. (В «Большой советской энциклопедии» говорится, что термином история обозначается процесс развития, и далее история определяется как наука, «изучающая развитие человеческого общества как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесс»... Приведенное определение представляет собой почти дословную ленинскую характеристику... исторического материализма»... Процесс развития общества во всем многообразии встающих при этом проблем — предмет изучения всей совокупности социальных дисциплин. История не занимается перспективами развития общества (хотя ее выводы могут быть весьма полезны при определении последних), ее взгляд всегда ретроспективен, ее внимание целиком приковано к достигнутым результатам (*прим. автора*). Наша статья посвящена выяснению некоторых имеющих методологическое значение особенности истории как науки.

Уточним понятие методологии. Когда мы говорим о методологии истории, мы имеем в виду не только исторический материализм... Роль, которую исторический материализм играет в системе современного научного знания, не сводится к методологическому обоснованию исторической науки. Все науки (и не только гуманитарные, но и

естественные) в той или иной степени находят в историческом материализме основополагающие методологические идеи. Все науки связаны с общественной практикой... Все формы знания обусловлены социальными отношениями... С другой стороны, методология истории должна решить ряд общеполитических проблем, выходящих за пределы исторического материализма...

Позитивизм отвергает понятие материи на том основании, что невозможно поставить единственный эксперимент, доказывающий ее существование... Для позитивиста предмет истории ирреален; прошлого нет, и историк не видит «ничего реального кроме исписанной бумаги», как говорил в свое время Сеньобос...

Реальность истории проявляется прежде всего в действии общественных законов... Никто не сможет, взяв какой-нибудь один момент из жизни общества, установить действие закона соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных Сил. Этот закон выведен на основе изучения значительного отрезка пути, пройденного человечеством... Прошлое определяет настоящее, представляет собой основу, на которой разворачиваются современные события. Сущность — в прошлом, говорил Гегель.

Когда мы говорим об обществе, мы имеем в виду не только живущих сегодня людей, но систему отношений, существующую уже много веков; для жизни общественного организма события отдаленных веков столь же реальны, как для отдельного индивида то, что случилось с ним в детстве. Человек не может отказаться от своего прошлого. Даже если он забыл его, оно вторгается в его жизнь. Точно также обстоит дело и с человечеством: история — это его память, она хранит и воспроизводит все, что ему дорого и что ненавистно.

Материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, принадлежат настоящему... Минувшее живет в созданной человечеством культуре, в сложившихся общественных связях, традициях и т.д....

Отражение исторической действительности есть ее реконструкция, воспроизведение... Задача исторического познания, как и любого другого, состоит в том, чтобы дать максимально верный слепок с реальности, но в истории степень относительности, гипотетичности знания больше, чем где бы то ни было...

Путь историка к истине начинается со сбора источников. (Конечно, интеллект историка — не «*tabula rasa*»). Приступая к исследованию, как и любой другой ученый, историк имеет некоторое первоначальное представление о проблеме, почерпнутое из своего или чужого опыта; в его голове всегда есть идея, без которой, как говорят, глаза не видят фактов. Но задача состоит в том, чтобы эта идея не задавила факты, особенно тогда, когда последние с ней расходятся (*прим. автора*)...

Прежде всего проверяется подлинность источника, устанавливается время и место его возникновения. Подделка документов, интерполяции и сокращения, извращающие смысл, — обычные приемы фальсификации истории, процветавшей во все эпохи...

Познание в истории, как бывает и в других областях науки, идет от кажимости к явлению и дальше к сущности... Но, перейдя к явлению от кажимости, т.е. к правильному пониманию факта... историк еще не достигает цели — правдивого изображения действительности... Есть факты значительные, определяющие, а есть факты второстепенные; есть отдельные факты и есть их совокупность, система. Только в системе фактов может быть обнаружено действие исторической закономерности.

Из книги В.В. Косолапова «Методология и логика исторического исследования» (Киев, 1977)

Тридцать новейших определений понятия «история». Какое из них истинное? (С. 137-143.)

Несмотря на тысячелетия развития история и значительный и растущий интерес к ней со стороны общества, до сих пор ведутся споры и дискуссии о самом ее предмете и месте среди других наук. Каждое из предложенных определений претендует на истинность. Испанский философ Ортега-и-Гассет считал, что история «является наукой о современности в наиболее строгом и наиболее актуальном смысле» и поэтому

охватывает также все традиционные проблемы философии. Подобные взгляды высказывает итальянский историк и философ Б. Кроче. Известный английский историк Дж- Барраклоу считает, что «любая история что-либо значащая, является современной историей». Итальянский философ Д. Дженти-ле сводил историю к философии. Западногерманский историк Т. Шидер, считая прошлое предметом истории, в то же время отмечает, что «в любой историографии и исторической науке, в их интерпретациях прошлого содержится в какой-то мере взгляд на будущее». Известный немецкий историк философии К. Фишер считал, что вся философия тождественна только одному ее разделу — истории философии. Наконец, сторонники субъективного идеализма в исторической науке Т. Лессинг, К. Поппер и др. считают, что история — это совокупность субъективных переживаний историографа, его изобретение, поэтому является не наукой, а изобретением, результатом своеобразной «гимнастики ума». Некоторые... идеологи вообще отказываются ставить и решать вопрос, «что такое история?»... Известный немецкий историк Э. Мейер писал: «Назовем ли мы историю в том виде, в каком она существует, *наукой* или нет, для нее это безразлично. Это могло бы еще иметь значение для философии, но для истории совершенно достаточно того, что она существует, и в таком виде, как она есть, безусловно удовлетворяет *необходимым* запросам человека...»

Американский историк... П. Конкин, утверждая «двузначность» за термином «история», считает, что «история ... — это достоверное изложение прошлого людей». По его мнению, история не является обобщающей наукой, а представляет собой изложение прошлого в художественной форме... и задача историка состоит в том, чтобы это прошлое «осмыслить... и изложить в достоверном и поучительном виде». Английский историк Э. Карр считает, что история — объяснение, а не описание причин исторических событий, она социологическое обобщение прошлого... М. Дюверже и М. Бер (Франция) утверждают, что история якобы является своеобразным «полуфабрикатом» социологии и призвана обеспечить последнюю необработанным фактическим материалом о «современном прошлом». Другие историки, наоборот, противопоставляют социологию и историю... западногерманские ученые К. Ульмер и Л. Визе считают историю «хронологией», а социологию «теоретическим толкованием» истории. По их мнению, социология — история современности, а история — социология прошлого.

(Американский ученый) П. Сенн термином «история» обозначает четыре основных значения: то, что произошло в прошлом или за определенный период прошлого; то, что известно о прошлом по различным «материальным остаткам» прошлого; наука, изучающая человеческое прошлое; знания, накапливаемые в результате критического и систематического изучения прошлого. История как наука, считает Сенн, отличается от других общественных наук тем, что изучает прошлое безотносительно к настоящему и будущему, в то время как другие общественные науки, исследуя прошлое, изучают

современность и нередко занимаются предсказанием будущего.

...Понимание истории как совокупности только письменных источников выдвинуто в начале века известным французским историком Ф. де Куланжем, истории, как собрания «впечатлений» историка о «внешней действительности»...

С идеалистическим пониманием истории... нельзя согласиться. Неправомерно также сводить ее предмет к простой фиксации прошлого; историческое знание, несомненно, оказывает существенное влияние на современную деятельность человека. Не выдерживают критики и те взгляды, которые лишают историю ее собственного предмета исследования или же толкуют этот предмет в чрезмерно расширительном смысле, приписывая историческому знанию не свойственные ему функции философии или социологии...

И среди историков-марксистов не сложилось однозначного понимания предмета исторической науки... Польский историк-марксист Е. То-польский... выдвинул концепцию истории как науки, которая включена в активный процесс жизнедеятельности человека как осознанные им условия деятельности, подготовленные прошлыми историческими событиями и ситуациями. Историческая наука, по его мнению, создает историческое мышление эпохи, включенное в процесс активной деятельности, и настоящее диктует историку вопросы к прошлому. Отсюда вывод: история должна постоянно переписываться, изменяться, изменяя тем самым и реально существующий мир, воздействуя на деятельность человека. Болгарский исследователь Н. Ирибаджаков считает, что «задача истории как науки состоит в том, чтобы воспроизвести и представить нам реальный процесс исторического развития человеческого общества, или данного общества, или отдельных сторон и процессов общественной жизни... как взаимосвязанный, причиннодетерминированный и закономерный процесс в его конкретном многообразии». Определения Е. Топольского и Н. Ирибаджакова недостаточно учитывают логику развития самого исторического познания, преувеличивают в историческом знании описательно-фактографический аспект, нечетко выделяют объективные границы той сферы деятельности, к которой приложимы понятия и законы исторической науки... С учетом сложившейся в науке традиции... целесообразно выделять предмет истории в узком и широком смысле. В узком смысле... история — это область научного познания, исследующая общественные явления «в их исторической преемственности и современном состоянии» (ссылка на Маркса и Энгельса). Основной задачей истории как науки является исследование объективных закономерностей генезиса человеческой деятельности...

В широком смысле слова понятие «история» в марксизме используется для обозначения естественно-исторического и социально-исторического знания, характеризующего историческую преемственность в развитии всех объектов действительности. В этом понимании история — это наука о законах функционирования как природных, так и социальных систем...

История в узком смысле... — сложный комплекс научных направлений, основной задачей которого является воспроизведение (реконструирование) исторического прошлого общественных явлений.

Реконструирование прошлого в его конкретно-исторической форме — отличительная черта научно-исследовательской деятельности историка.

Из книги П.В. Копнина «Диалектика как логика и теория познания (М.: «Наука», 1973)

С чего начать? От проблемы до теории. (С.198—201.)

Всякий, кто анализирует научное исследование, неминуемо приходит к вопросу: с какого понятия надо начать его характеристику? При анализе форм мышления в качестве зрелой формы выделяется теория, а исходной клеточки — суждение...

За исходный следует брать такой элемент научного исследования, который привел бы нас к теории, послужил нитью в понимании ее возникновения и развития. Суждение не может выполнять этой функции, ибо не содержит в себе импульса и зачатка научной теории.

Может быть, в качестве исходной ячейки образования научной теории следует взять *факт*, поскольку факты действительно являются необходимой предпосылкой теории? В самом деле, ведь факт — это форма человеческого знания, которая должна обладать достоверностью. Очевидно, на этом основании о фактах и говорят как об «упрямой вещи», и их необходимо признавать вне зависимости от того, нравятся они вам или нет. Конечно, в действительности достоверными оказываются не все факты. В ходе науки иногда, как известно, устанавливается недостоверность того, что признавалось за факт. Но в идеале в качестве фактов может выступать только достоверное знание. В силу этого их свойства факты... служат необходимой предпосылкой построения теоретической системы, ее развития и доказательства.

Как форма знания факт ценен тем, что всегда сохраняет некоторое содержание, в то время как теории рушатся, причем сохраняет он свое значение в разных системах... Но сам по себе, ни с чем не связанный, он лишен смысла и не имеет значения в решении поставленной проблемы.

Собирание фактов — важнейшая составная часть научного исследования. Однако какое бы количество их собрано ни было, сами по себе они не составляют еще научного исследования... К поискам фактов ученый обращается на всем протяжении своего исследования, но они никогда не выступают у него в качестве самоцели, а всегда используются только как средство решения стоящих задач. Для выдвижения того или иного научного предположения исследователю необходимо лишь определенное количество фактов; другие же факты нужны для обоснования и развития этого предположения, третьи — для его доказательства. Но в любом случае отобранные факты нужно включить в какую-то систему, чтобы придать им смысл и значение. Ученый... с самого начала ищет их избирательно, руководствуясь определенной целью, которая развивается, видоизменяется в процессе исследования, но всегда сохраняется, пока окончательно не будет создана удовлетворяющая его система знания. Сам по себе факт не содержит такой цели и потому не может быть исходной клеточкой при изучении научного исследования...

Исходным в изучении научного исследования может быть лишь то, что является, с одной стороны, его элементом, а с другой — выражением практических потребностей, толкающих мысль к поискам новых результатов.

Этими особенностями и обладает *проблема*,

с которой начинается научное исследование...

В качестве проблемы избирается не любой предмет, о котором исследователь хочет знать, что он собой представляет, каким закономерностям подчиняется, а только такой, знание о котором реально возможно при существующих условиях... Проблемы перед наукой возникают в ходе развития общества и исходя из его потребностей...

Проблемы вырастают из предшествующих результатов знания как своеобразное логическое следствие. Уметь правильно поставить проблему, вывести ее из предшествующего знания — это и значит уже наполовину решить ее.

Таким образом, уже сама проблема есть ничто иное, как известная система различного знания, включающая в себя ранее установленные факты, мысли о возможности поставленной проблемы, саму ее постановку...

В проблеме мы сталкиваемся с систематизацией научного знания, которая присуща в той или иной степени результатам научного исследования на любом этапе его развития.

К ГЛАВЕ I. ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Естественно, что литература по всем затронутым в главе проблемам огромна, и ее, изложенную практически на всех индоевропейских языках и по всем отраслям знания, просто не объять. Даже по отдельным вопросам и проблемам специалистам приходится привлекать по много сотен работ, и бесспорных выводов предложить пока не позволяет

и ограниченность материала (при всей его необозримости), и не всегда корректно сформулированные вопросы, и «краеведческие» пристрастия, и просто большое количество белых пятен. Здесь, разумеется, представлена только наиболее значимая литература, необходимая для понимания проблематики собственно славяно-русской истории...

Книга В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины» положительно оценена и теми из его рецензентов, кто придерживается иной концепции начала индоевропейцев. Автор согласен с теми, кто «первую» прародину находит в Малой Азии. Но «прародина» ему представляется компактной территорией, которая перемещается из одной области в другую. (Соображения С.П. Толстова о «лингвистической непрерывности» автор не рассматривает, как не оценивает и мнения тех ученых, которые ищут индоевропейцев в верхнем палеолите. Не всегда учитывает автор и антропологические материалы, которые культуры линейно-ленточной керамики ведут к Средиземноморью). И суть концепции — распространение индоевропейской цивилизации не с востока на запад, а с запада (именно с Балкан из области культуры Вин-ча, с которой связывается «индоевропеизация» зоны распространения культуры ленточной керамики) на восток.

Весьма актуальна (как тема, вокруг которой немало националистических спекуляций) и книга Ю.А. Шилова. В ней тоже не все и не всё примут, но основной вывод о причерноморской прародине ариев добавит сторонников этой концепции, ранее высказывавшейся известными лингвистами разных стран. Так же принципиальное значение имеет монография В.И. Марковина: впервые мегалитическая культура представлена как целостное явление. Небольшое извлечение из старого учебного пособия В. И. Равдоникаса привлечено в качестве иллюстрации, тем более, что такого рода описания можно найти только во французской литературе. Книга А.И. Тереножкина «Киммерийцы» остается самым основательным исследованием, в котором доказано тождество срубной культуры и киммерийцев как этноса. Правда, автор основное внимание уделил вопросу соотношения киммерийцев с позднейшей скифской культурой, и потому останавливается главным образом на последнем этапе срубной культуры. Вне поля зрения автора остались, в частности, две волны миграций киммерийцев в Европу (XV—XIII и VIII вв. до н.э.). В античной традиции, например, кимвров северной части Ютландии отождествляли с киммерийцами, а культ котла их и в самом деле сближает. Поскольку имеется вероятность того, что киммерийцы соприкасались со славянами, некоторые связанные с ними вопросы будут затронуты в следующей главе.

Из книги В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины» (Горький, 1989)

Археологические культуры V— IV тыс. до н.э. в экологической нише индоевропейской прародины. Индоевропейская атрибуция блока культур Винча — Лендьел — КВ К (воронковидных кубков)

Археологические культуры V—IV тыс. до н.э. в зоне формирования индоевропейского языка, оконтуренной в соответствии с характеристиками флоры, фауны, ландшафта и гидронимии, должны быть проверены на соответствие культурно-хозяйственному типу индоевропейской пракультуры, охарактеризованному по данным лексики праязыка... Хронологически существование единого праязыка индоевропейцев перед его распадом определяется в настоящее время как IV тыс. до н.э.

В ареале к югу от Западных Карпат, Судет, Рудных гор, к северо-востоку от Шумавы, восточных склонов Альп... в Подунавье, Среднедунайской низменности до южных Карпат в IV тыс. до н.э. известно несколько археологических культур.

Культура ленточно-линейной керамики распространена в Германии, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, и эти территории соответствуют ареалу прародины по данным флоры, фауны, гидронимии. В то же время КЛЛК расширяется в поздней фазе от Франции до Румынии, Молдавии, вытесняясь с первоначальной зоны обитания культурой Лендьел и ее производными, и таким образом выходит из границ ареала индоевропейской прародины, поскольку КЛЛК переходит Рейн...

Характер развития культуры меняется во времени: V тыс. до н.э. — это период преобладания гомогенной культуры на большом пространстве; IV тыс. до н.э. — процесс дифференциации культуры...

КЛЛК в младшей фазе взаимодействует с керешским субстратом и дает в Потисье и Восточной Словакии дериват — восточнословацкую КЛЛК, которая в Венгерском Потисье называется алфелдской КЛЛК. ... Через алфелдскую культуру устанавливается первый контакт с Винчей А, появление которой на Балканах вызвало активность и смещение керешского субстрата на север, где носители Кереш и КЛЛК и вступают в первые контакты.

Автор: pavel
17.02.2020 22:04 -

Дальнейшие контакты с Винчей вызывают преобразование и младшей фазы КЛЛК, выразившееся в появлении железовской культуры в Западной Словакии, в Венгрии и Нижней Австрии...

Абсолютные даты памятников железовской культуры... 3565... (Шту-рово), 3775... (Горные Лефантовицы) до н.э.

Таким образом, КЛЛК распространена в ареале, практически полностью совпадающем с ареалом прародины индоевропейцев... что привлекало внимание исследователей к этой культуре как к возможному археологическому эквиваленту прародины индоевропейцев... Однако КЛЛК не имеет производных, которые доживали бы до середины III тыс. до н.э. и имели бы распространение в Восточной Европе, доходили бы до ареала картвельского языка и картвелоязычных культур...

Следует отметить тот факт, что дезинтеграция КЛЛК имеет место уже в конце V тыс. до н.э., тогда как лингвисты определяют V—ГУ тыс. до н.э. еще как период существования единого праязыка индоевропейцев...

Культура Винча — древнейшая цивилизация Старого света. Формы влияния культуры Винча на Центральную Европу... (Праиндоевропейцы на Балканах).

В истории Европы культура Винча имела значение, сравнимое только с ролью Греции и ее воздействием на «варварский» мир. Сходство этих двух культурных феноменов заключается в схеме освоения пространства (колонизация, торговля, путешествия, но не завоевание), а также в длительности и глубине воздействия.

С появлением культуры Винча в Европе, на Северных Балканах, происходит распад одной культуры, или культурно-исторической общности линейно-ленточной керамики, и исчезновение другой — Старчево — Криш. В то же время сама Винча существует с

середины Утыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э. (по одним данным) или до первой четверти III тыс. до н.э. (по другим данным...), параллельно с ее существованием возникает новая послевинчанская Европа как результат ее воздействия на культуры субстрата. Причем за почти полторатысячелетнюю историю своего существования Винча не прекращала своего воздействия, испытывая слабые влияния со стороны вновь образующихся культур и культур субстрата. В этом проявляется уникальное свойство ее культуры — устойчивость. Окончательно исчезает Винча, определив консолидацию цент-ральноевропейских культур под баденской вуалью. Формы влияния Винчи на Центральную Европу многообразны; в археологической терминологии они выглядят в качестве вариантов самой Винчи, как культуры, в основе которых доминирует винчанский комплекс (дочерние культуры), и как культуры, в которые Винча вошла компонентом (типа Лендзел) и т.д.

Сенсационные археологические открытия последних 20 лет на памятниках Подунавья и центральнобалканского неолита — в Румынии, Югославии и Болгарии... а также уточнение дат этих памятников в пределах V— IV тыс. до н.э. на основании созданной колонки радиоуглеродных дат для европейского неолита заставляют изменить представление о рассматриваемом регионе как периферии древневосточных цивилизаций. В свете этих открытий Юго-Восточная Европа в ареале распространения культуры Винча может быть названа одним из древнейших очагов цивилизации, более древним, чем цивилизации Месопотамии, долины Нила и Инда.

Диагностическим признаком цивилизации является такой уровень производящей экономики, когда появляется прибавочный продукт, высвобождающий часть общества для осуществления технического и культурного прогресса... Этому сопутствуют значительные перемены в социальной структуре: оформляется иерархия сословий; регулирующей жизнь общества становится власть вождя (царя) и института жрецов... Характерным внешним выражением перехода к цивилизации является появление города... а в нем — дворцов или храмов; разнообразных строений, с разными их функциями, специализированных мастерских, свидетельствующих о выделении некоторых ремесел, и, наконец, письменности, без которой нет цивилизации.

Древняя цивилизация — это культура классового общества, овладевшего письменностью...

Винчанские колонисты несли вместе с формами экономики, хозяйствования, продукции ремесел, свои взгляды на мир, человеческое бытие, т. е. были проводниками своей идеологии... Вероятно, все достижения культуры Винча, ее производственные и

экономические, ремесленные, инженерные «секреты» были закреплены в культово-религиозной форме, в определенной обрядности и ритуале...

Только существованием института жречества можно объяснить сложение системы письма, которую не совсем точно называют «древнебал-канской системой письма»... Более того, распространение этой системы письма в разных по происхождению культурах неолита и энеолита Средней и Юго-Восточной Европы... говорит и о внедрении культуры Винча, ее традиций в окружающую среду в форме прямого идеологического воздействия через институт жречества...

Винчанское письмо представлено знаками геометрического линейного типа и толкуются как древнейшие из известных нам надписей пока еще не разгаданной системы письма... Знаки наносились на дно и придонную часть сосудов, на их плечевую часть. Ими украшались и культовая пластика, и бытовая керамика...

В существовании в Винче письменности... исследователи не сомневались и до находки глиняных табличек в Тэртэрии. Датировка поселения в Тэртэрии ранним этапом культуры Винча — Винча-Тордош — и обнаружение в этом слое табличек с письменностью свидетельствует о том, что винчанское письмо сложилось в жреческом кругу еще до того, как оформились все признаки культуры и экономики, которые позволяют нам утверждать существование цивилизации, археологически представленной культурой Винча...

По всем археологическим данным, которые получены благодаря исследованию многочисленных поселений культуры Винча, можно констатировать процесс развития поселений в городе, а общества — в цивилизацию в начале IVтыс. до н.э. на территории Северных Балкан и Задунавья.

Из книги Ю. Шилова «Прародина ариев. История, обряды и мифы» (Киев, 1995)

Введение

Проблема арийской прародины вот уже более 200 лет волнует мировую общественность, — с тех самых пор, когда занявшиеся историей Индии обнаружили вдруг общих с ней предков.

Трудами нескольких поколений ученых круг поисков прародины ариев — от Индии до Скандинавии — сузился наконец до низовьев Днепра. Заслуга в этом принадлежит немцу К. Риттеру англичанину Г. Чайлду, австрийцу П. Кречмеру, болгарину В. Георгиеву, украинцу В.Н. Даниленко, американке М. Гимбутас, русскому О.Н. Трубачеву... Это было воистину мировое открытие — и по значению, и по составу исследователей.

Основная трудность заключалась в том, чтобы воссоединить данные лингвистики и археологии, языковые и вещественные памятники. Первые необычайно полно сохранились в Индии, отчасти — в Иране, немного—в Греции, в древних названиях рек и местностей Азово-Черномор-ских степей. Здесь же, в прилегающих к Поднепровью степях, сохранились, наверное, и вторые, — но как их узнать? Ведь письма арийской прародины цока не прочитаны, а письменные свидетельства других территорий о ней — весьма неконкретны.

Около столетия трудились археологи и лингвисты над решением этой задачи. Путь к ответу наметил В.Н. Даниленко: надо расшифровать мифы, отраженные в изображениях, святилищах и могилах предполагаемых ариев, и сопоставить их со священными текстами Ирана и Индии. И вот — 1972 год, раскопки Высокой Могилы в междуречье Ингульца и Днепра. Раскопки довольно тщательные, необычайно скрупулезно фиксируемые, с беспрецедентными реконструкциями... грандиозного кургана высотой в 10 и протяженностью в 200 метров. Результаты оправдали усилия! К 1977— 1982 годам стало совершенно понятно, что VI—IX строительные горизонты Высокой отразили арийские мифы о Праматери сущего Адити, ее сыновьях Дакше, Митре и Варуне, Вивасвате и Сурье, ее внуках Ману и Яме; верхний же, XI горизонт нашел соответствие в «Свадебном гимне» индоарийской Ригведы и в комплексе алтарей шрута, донныне сооружаемом в Индии для исполнения ведических гимнов...

Автор: pavel
17.02.2020 22:04 -

Но предстояло найти подтверждения в массовом материале. К началу 80-х, а тем более 90-х годов их стало много... Результаты исследования Высокой могилы были проверены последующими раскопками окрестных и расположенного неподалеку Великоалександровского кургана; ведические образы и сюжеты открылись также в Первоконстантиновском, Чаплинском, Атманайском, Скворцовском, Белозерских курганах, в Смолонской и Кутаревых Могилах, в курганах Гарман и Чауш. Последний на Нижнем Дунае, остальные — на Нижнем Днепре.

Большую роль в утверждении нового археологического направления сыграли работы В.Г. Петренко — исследователя усатовского варианта трипольской культуры, вклинившегося в среду формирующихся ариев из Днепро-Дунайских лесостепей... Он показал наличие здесь подобного мифотворчества...

Как же выглядят мифы арийской прародины в курганном своем воплощении? Это, прежде всего, рвы, каменные ограды и насыпи или досыпки, выполненные в виде гигантских фигур: человеко- и животного-добных (черепашек и жаб, змей, птиц, голов крупного и мелкого рогатого скота), а также астральных (Луны, Солнца, Млечного Пути, знаков Тельца и Овна). Понять смысл таких фигур помогают их календарно-обсерваторные ориентиры.

Современное состояние проблемы арийской прародины

(Замечание по концепции В.А.Сафронова. — А.К.). Следовало бы основательнее привлечь письменные источники, указывающие название «Страны земледельцев» Аратты, ее социальную структуру, обряды и божества, а также события. Среди важнейших — нашествие с Востока второй половины Утыс. до н.э. «воинов богини Ишхары», сопоставимое с очередной волной миграций из Малой Азии, приведшей к возникновению культуры Винча... С нее-то Сафронов и начинает историю балканской прародины индоевропейцев, умалчивая о 500—1500 годах промежутка между началом этой и концом малоазийской прародины... Вопрос принципиальный, ибо в этом промежутке теряется предистория Кукутени-Триполья с его достаточно очевидными шумерскими связями... Между тем ни Сафронов, ни Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов эти культуры к индоевропейским не относят (вопреки позиции Б.В. Горнунга, Б.А. Рыбакова

и др.)... Тогда рушится вывод о древнейшей индоевропейской цивилизации. Однако он сохранится, если распространить предложенную В.А. Сафроновым хронологическую накладку между поздневропейской (V—IV — начало III тыс. до н.э.) и средневропейской (середина V-IV/III тыс. до н.э.) также на раннюю индоевропейскую прародину (VN/VT—VI тыс. до н.э.), которая, возникнув в малоазийском Чатал-Гююке, переместилась сначала на Средний Дунай, а затем (под давлением Винчи) и на Средний Днепр. Здесь она в своем малоазийском облике просуществовала до III тыс. до н.э., а в облике иных культур сохраняла традиции Аратты — Арты — Арсании до Киевской Руси включительно... Последнее обстоятельство со всей определенностью указывает на индоевропейский характер Аратты с ее древнейшей письменностью и государством.

Что же касается «индоевропейства» трипольского (и шумерского) воплощения Аратты, то это можно объяснить двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, существенной ролью в довинчанской и последующей Аратте бореальных рудиментов и, во-вторых, глубиной привнесенных Винчей новаций, тяготевших не к протошумерским, а к протоегипетским традициям. Впрочем, и те и другие вошли затем в формирующуюся индоевропейскую общность...

История индоевропейской «Страны земледельцев» Аратты проливает свет и на формирование ее южной соседки-сородича — арийской общности степных (отчасти и лесостепных) скотоводов...

По имеющимся у нас к настоящему времени данным о мифотворчестве строителей степных курганов **ГУ—I** тыс. до н. э., арийская общность представляется не праэтносом («обломком» более обширной и древней индоевропейской общности), а довольно-таки напряженным содружеством двух этно-культурных образований — кеми-обинского (затем таврско-го) и старосельского (новотитаровского), внедрившихся в восточную группу индоевропейцев, носительницу стадияльно сменявших друг друга культурно-исторических общностей. Соотношение сил двух сосуществующих ветвей в среде ариев (индо-иранцев) постоянно менялось. В раннеямный период господствовал праиндийский (кеми-обинский) компонент, унаследовавший традицию аратто-шумерских связей. В позднеямный и ранне-катакомбный период усилился праиранский (старосельско-новотитаровский), и впредь преобладавший примерно от Кальмиуса до Урала. В позд-некатакомбный главенство вновь перешло к праиндийскому (особенно в ингульской культуре, обнаруживающей также близость к протогрекам). В раннесрубный период снова возобладала праиранская ветвь, а в поздне-срубной (особенно в белозерско-киммерийской культуре) — праиндийская, потесненная затем скифо-иранской... И на всем этом протяжении — от древнейшей

«Новоданиловской»

конницы до образования в Азово-Черноморских степях первого государства, — Скифии

— центром не только географических, но и этноисторических процессов оставалось Нижнее Поднепрорье, прародина ариев. Далеко не всегда здесь возникали, но именно отсюда распространялись затем и конница, и курганный обряд... и антропоморфные **изваяния**, и повозки... и катакомбы... и погребальные маски, и чаши-секстанты, и «длинные» курганы, и могильники киммерийцев и скифов...

Понимание трипольской культуры как дунайско-днепровской, а затем приднепровской Аратты, учет созданных ею святилищ-обсерваторий в истории индоевропейской общности, а потом установления в данной системе аратто-шумерских связей, — не стали еще инструментами дальнейших исследований и опираются пока что на зарубежный разработки фактологических данных... Тем более не изучена решающая роль этих фактов в зарождении арийской общности.

Из книги В.И. Марковина «Дольмены Западного Кавказа» (М., 1978)

Дольмены Западного Кавказа и дольмены мира — вопросы связей и происхождения

Многие ученые-кавказоведы пытались так или иначе подойти к разрешению вопроса о происхождении дольменов, выяснить их возникновение и появление на Кавказе. Однако среди древностей Прикубанья и Причерноморья еще не найдены такие памятники, которые были бы конструктивно близки и в то же время предшествовали им. Очевидно, они и не будут найдены. Все известные древние могилы в виде так называемых каменных ящиков (четыре сомкнутые плиты, перекрытые сверху пятой) в основном становятся известными на Кавказе позже появления дольменов... Таким образом, возможность влияния конструкции каменных ящиков на архитектуру дольменов отпадает сама собой... К тому же следует напомнить, что в отличие от ящиков дольмены, как правило, — наземные сооружения. Их могли прикрыть насыпью, но ставили на

материк, в то время как ящик врывали в землю...

Как видно, дольменная культура не имеет своих генетических корней среди древностей Прикубанья и Причерноморья. Никакого «длительного предшествующего развития местной культуры» на Западном Кавказе, которое могло бы привести к самостоятельному возникновению дольменов, не было, если даже пытаться связывать непрерывной линией эволюцию «каменной индустрии» от палеолита до эпохи бронзы, как пишет об этом Ш.Д. Инал-Ипа...

Отсутствие исходных путей для появления дольменов на территории Прикубанья и Причерноморья привело некоторых исследователей к поискам направлений, по которым «идея» дольмена могла прийти на Кавказ...

Интересны высказывания Л.И. Лаврова. Прежде всего, он считает, что «дольмены Северного Кавказа составляют одно целое с дольменами Крыма и Украины», что на всем этом пространстве могло существовать даже «этническое родство»... Далее Л.И. Лавров считает, что дольмены Кавказа, Крыма и Украины нельзя отрывать от дольменов Сирии, Палестины, Северной Африки, всего Средиземноморья, стран Европы, Азии (включая Дальний Восток). Появление дольменов на Западном Кавказе он связывает «с развитием торгового и военного мореплавания у приморских народов в неолите и эпоху бронзы», когда «кавказские мастера» могли видеть дольмены в других странах и затем возводить их у себя на родине...

Схема, предложенная Л.И. Лавровым, очень интересна, хотя она построена не на детальном анализе археологического материала и архитектуры памятников, а на довольно убедительном предположении...

Следует еще напомнить высказывание академика Б.Б. Пиотровского, который заметил, что «форма закавказских дольменов настолько, даже в деталях, совпадает со средиземноморскими и европейскими, что вопрос об их связях вполне естественен»...

К сожалению.... в археологической литературе отсутствует сводная работа, в которой были бы собраны описания дольменов разных стран. Исследователи изучают узкие регионы, стремясь постичь тайны происхождения отдельных скоплений дольменов... В

Автор: pavel
17.02.2020 22:04 -

силу указанных обстоятельств при сравнении западнокавказских дольменов с соответствующими памятниками мира придется пользоваться теми сведениями, зачастую очень скудными и противоречивыми, какие имеются в специальной литературе...

Обзор мегалитических построек мира я начну с дальневосточных стран Азии, чтобы завершить его описанием западноевропейских памятников...

Дольмены Кореи датируются от IX—VII в. до н. э. по IV в. н. э. Примерно также датируются и мегалиты Японии.

Территория Китая тоже имеет отдельные дольменные постройки... Но для китайских древностей... более характерны погребальные сооружения не из камня, а из дерева в виде срубов.

Все упомянутые дальневосточные страны в древности были тесно связаны между собой. Строители дольменов этих стран имели контакты и с носителями мегалитических культур Лаоса, Индокитая, островов Юго-Восточной Азии.

...Описание упомянутых, так называемых южных дольменов ясно показывает все их несходство с... западнокавказскими сооружениями. Они относятся к более позднему времени и содержат совершенно иной инвентарь.

Обратим внимание на памятники Деканского полуострова.

В основном мегалиты характерны для южной части Индии, особенно для ее Малабарского побережья, хотя они встречаются и в северо-западной части полуострова — в Синде и Карачи, отдельные памятники встречены на границе с Тибетом (р. Ле). Конструктивно их делят на три группы...

Автор: pavel
17.02.2020 22:04 -

В литературных памятниках жителей Индостана первых веков н. э. вплоть до XII—XIII вв. сохранились воспоминания о смене погребального обряда в «кругах» (кромлехах) дольменами и урнами: так трупоположение сменил обряд вторичных погребений, а затем появилась кремация...

В отличие от стран Дальнего Востока, дольменные памятники Деканского полуострова находят определенные черты сходства с дольменами Западного Кавказа. Эти черты прослеживаются отчасти и в их внешнем виде, конструктивных особенностях, даже в обрамлении кромлехами и круговыми выкладками, что иногда наблюдается в дольменах Кавказа, в обряде погребения... Указанные черты сходства, особенно в обряде погребения, не абсолютны, они могут быть случайными, тем более, что дольмены Кавказа намного древнее мегалитов Деканского полуострова...

К мегалитам в Северной Африке относят три категории сооружений: каменные наброски в виде курганов и круговые каменные обкладки, под которыми в материке находится погребение... Третья категория памятников — дольмены — встречаются лишь в прибрежной части Африки, в Алжире, Тунисе, Марокко...

В африканских постройках — скорченные захоронения. В одной из них найден каменный клиновидный топор... более часто встречаются кремневые черешковые стрелы... напоминающие западнокавказские. Из мета-лических изделий следует отметить бронзовые круглые височные кольца, одинарные и свернутые в несколько раз, и мелкие спиральки... Необходимо отметить полнейшее сходство именно этих бронзовых африканских изделий с находками, сделанными в ряде западнокавказских дольменов, которые могут быть приблизительно отнесены к середине II тыс. до н. э.

Африканские дольменные захоронения сопровождаются керамикой, среди которой выделяются чаши с клювовидными носиками и сосуды с выступами — ручками... Следует подчеркнуть некоторое сходство формы вышеуказанных сосудов, особенно снабженных ручками... с западнокавказской дольменной керамикой. Итак, налицо отдельные черты сходства дольменов Северной Африки и Западного Кавказа и особенно инвентаря, обнаруженного в них. Мимо этих фактов пройти нельзя.

По побережью Средиземного моря, в восточных частях Сирии и Иордании и Верхней Галилеи обнаружены дольмены, которые имеют отверстия разных форм... Все эти сооружения... до сих пор плохо датированы...

Мегалитические постройки имеют определенные черты сходства с западнокавказскими памятниками: таковы их габариты, наличие пазов у боковых плит, бордюры вокруг отверстий, сильное выступление порталных частей...

В Малой Азии и по Анатолийскому нагорью дольмены пока не найдены, но по западному побережью Черного моря и близ Мраморного моря, на территории исторической Фракии дольменные постройки обнаружены...

Дольмен с приставными порталными плитами из Буюнлу (Лалапаша) без всякого сомнения аналогичен западнокавказским дольменам... Но и другие дольменные постройки, обнаруженные в Турции, также близки западнокавказским сооружениям...

В мегалитических сооружениях (Корсики и Сардинии) можно заметить опять-таки те черты, которые сближают их с западнокавказскими дольменами: камень, из которого они сделаны, хорошо обработан; использованы пазы и подшлифовки, отдельные дольмены Корсики внешне не отличаются от кавказских...; поздние постройки (гробницы-корабли — Naveta) близки дольменным постройкам, обнаруженным в верховьях р. Кубань.

Пиренейский полуостров дает огромный материал для изучения дольменных памятников. Археологи выделяют здесь несколько культур... Первая из них связана с гротами, т.е. захоронениями в искусственных пещерах... Территория, занятая фотами, обширна — они встречаются почти по всей западной части полуострова... Эта «культура фотов», как видно, имеет связь с последующей культурой мегалитов...

Первые дольменные постройки могут быть отнесены приблизительно к 4000 — 3500 г. до н. э. Основное время их сфойительства делится на два этапа, поздний из которых датируется 2700 — 2500 г. до н. э.

Дольменные памятники Пиренейского полуострова, и именно наиболее ранние из них, находят определенные аналогии в памятниках Кавказа... Даже отдельные формы пиренейской дольменной керамики, покрытой врезам, орнамент на посуде в виде

вдавлений, кремневые стрелы внешне напоминают кавказские...

Культура гротов во Франции, широко распространенная на юге страны... далее по рекам Сене — Марне — Уазе и на полуострове Бретань (здесь они уже редки), находит аналогии в соответствующей культуре Пиренеев.

Мегалиты Франции, генетически связанные с фотами, можно разделить на два вида: крытые аллеи (коридорные фобницы...) и небольшие дольмены...

Только южнофранцузские (пиренейские) дольмены могут быть сближены с западнокавказскими памятниками, отдельные можно обнаружить и в инвентаре сближаемых фобниц (керамика с «жемчужинами», кремневые сфелы, многовитковые подвески и пр.). Мегалитические аллеи ничего общего с дольменами Западного Кавказа уже не имеют.